

Ницше Фридрих

Собрание сочинений

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Собрание сочинений: Том 1 / Ницше Фридрих – М.: Книга по Требованию,
2022. – 360 с.

ISBN 978-5-519-99891-8

ISBN 978-5-519-99891-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Когда Заратустръ исполнилось тридцать лѣтъ, онъ покинулъ свою родину и свое родное озеро и пошелъ въ горы. Здѣсь онъ наслаждался своимъ духомъ и своимъ одиночествомъ, и это не утомляло его въ продолженіе десяти лѣтъ. Но, наконецъ, перемѣнилось его сердце,—и въ одно утро онъ всталъ вмѣстѣ съ восходомъ солнца, сталъ напротивъ послѣдняго и обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Великое свѣтило! Что было бы съ твоимъ счастьемъ, если бы у тебя не было тѣхъ, кому ты свѣтишь!

„Въ теченіе десяти лѣтъ восходило ты надъ моей пещерой: тебѣ надоѣлъ бы твой свѣтъ и этотъ путь, безъ меня, моего орла и моей змѣи.

„Но мы ожидали тебя каждое утро, отбирали у тебя твой излишекъ и благословляли тебя за это.

„Смотри! Я пресыщенъ своею мудростью, какъ пчела, которая собрала черезчуръ много меда; мнѣ нужны руки, которыя протягивались бы ко мнѣ.

„Мнѣ хотѣлось бы одарять и надѣлять до тѣхъ поръ, пока мудрецы изъ числа людей снова не возрадуются своей глупости, а бѣдные—своему богатству.

„Для этого я долженъ спуститься внизъ, какъ дѣлаешь ты вечеромъ, уходя за море и неся свѣтъ въ другой міръ, о, преизобильное свѣтило!

„Я долженъ, подобно тебѣ, *закатиться* (untergehen), какъ говорятъ люди, къ которымъ я хочу снизойти.

„Благослови же меня, спокойное око, могущее безъ зависти взирать на величайшее счастье.

„Благослови чашу, готовую переполниться, чтобы золотомъ изливалась изъ нея вода и повсюду разносила сіяніе твоего блаженства.

„Смотри! Чаша эта готова опять опустѣть, а Заратустра снова стать человѣкомъ“.

Такъ начался закатъ Заратустры.

II.

Заратустра одиноко сошелъ съ горъ, и никто не встрѣтился ему. Но когда онъ углубился въ лѣсъ, передъ нимъ внезапно предсталъ старецъ, покинувшій свою священную хижину, чтобы поискать въ лѣсу кореньевъ. И съ такой рѣчью обратился старецъ къ Заратустрѣ:

— Мнѣ не чуждъ этотъ путникъ; много лѣтъ тому назадъ, онъ проходилъ здѣсь. Его звали Заратустра; но онъ измѣнился.

„Тогда ты несъ на гору свой пепелъ; ужели теперь ты несешь въ долину свой огонь? Развѣ ты не боишься кары за поджоги?“

„Да, я узнаю Заратустру. Чисто его око, и на устахъ его не таится никакой скверны. Не потому ли идетъ онъ словно танцовщикъ?“

„Заратустра измѣнился, Заратустра сталъ ребенкомъ, Заратустра пробужденъ: чего ты ищешь теперь у спящихъ?“

„Въ одиночествѣ ты жилъ, словно въ морѣ, и море носило тебя. Увы, тебѣ хочется на сушу? Увы, ты опять самъ хочешь носить свое тѣло?“

Заратустра отвѣчалъ:

— Я люблю людей.

— Да развѣ не оттого, — сказалъ святой, — я уединился въ лѣсъ и пустыню? Не потому ли, что я черзчуръ любилъ людей? Теперь я люблю божество: людей я не люблю. Человѣкъ, по-моему, вещь слишкомъ несовершенная. Любовь къ человѣку лишила бы меня жизни.

Заратустра отвѣчалъ:

— Что я говорилъ о любви! Я несу людямъ даръ!

— *Ничего* не давай имъ, — сказалъ святой. — Лучше возьми у нихъ что-нибудь и неси вмѣстѣ съ ними — для нихъ это будетъ всего лучше: если только это приятно и тебѣ! А если тебѣ хочется дать имъ, то дай имъ не больше милостыни и заставь ихъ къ тому же вымаливать ее!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Заратустра, — я не даю милостыни. Для этого я не достаточно бѣденъ.

Святой разсмѣялся надъ Заратустрой и такъ сказалъ:

— Такъ старайся, чтобы они приняли твои сокровища! Они недоувѣрчивы къ пустынникамъ и не вѣрятъ, что мы приходимъ дарить. Наши шаги раздаются по улицамъ слишкомъ одинокими для нихъ. И если ночью, въ своихъ постеляхъ, они услышатъ задолго до восхода солнца, что идетъ человѣкъ, они спрашиваютъ самихъ себя: куда лѣзетъ воръ? Не ходи же къ людямъ и останься въ лѣсу! Возвратись лучше опять къ звѣрямъ! Почему ты не хочешь быть такимъ же, каковъ я — медвѣдемъ среди медвѣдей, птицей среди птицъ?

— А что дѣлаетъ святой въ лѣсу? — спросилъ Заратустра.

Святой отвѣчалъ:

— Я сочиняю пѣсни и пою ихъ, а когда я слагаю пѣсни, я смѣюсь, плачу и бормочу про себя: такъ

восхваляю я Бога. Пѣніемъ, плачемъ, смѣхомъ и бормотаньемъ прославляю я Бога, — моего Бога. Однако, что ты несешь намъ въ даръ?

Услышавъ эти слова, Заратустра поклонился святому и сказалъ:

— Что я могъ бы дать вамъ? Дай мнѣ скорѣе уйти отсюда, чтобы я чего-нибудь не взялъ у васъ!

Итакъ они разстались другъ съ другомъ, старецъ и Заратустра, смѣясь такъ, какъ смѣются два мальчика.

Но когда Заратустра остался одинъ, онъ съ такими словами обратился къ своему сердцу: „Возможно ли! Этотъ святой старецъ въ своемъ лѣсу еще ничего не слыхалъ о томъ, что *боги умерли!*“

III.

Когда Заратустра прибылъ въ ближайшій городъ, лежавшій возлѣ лѣса, онъ нашелъ тамъ множество народа, столпившагося на рынкѣ: народу было обѣщано, что онъ увидитъ канатнаго плясуна. И заговорилъ Заратустра такъ къ народу:

— *Я учу васъ познавать сверхчеловѣка.* Человѣкъ есть нѣчто, что должно быть побѣждено. Что вы сдѣлали для того, чтобы побѣдить его?

До сихъ поръ всѣ существа создавали *нѣчто*, что превосходило ихъ; а вы хотите быть отливомъ этой великой волны и—скорѣе снова возвратиться къ звѣрямъ, чѣмъ побѣдить человѣка?

Что такое обезьяна для человѣка? Посмѣшище или мучительный позоръ! и тѣмъ же самымъ долженъ быть человѣкъ для сверхчеловѣка: посмѣшищемъ или мучительнымъ позоромъ.

Вы прошли путь отъ червя до человѣка, и еще многое въ васъ—червь. Нѣкогда вы были обезьяна-

ми, и теперь еще человекъ есть больше обезьяна, чѣмъ любая обезьяна.

Но кто мудрѣ всѣхъ васъ, тотъ тоже лишь гермафродитъ, нѣчто среднее между растеніемъ и призракомъ. Но развѣ я призываю васъ сдѣлаться призраками или растеніями?

Смотрите, я учу васъ познавать сверхчеловѣка!

Сверхчеловѣкъ есть разумъ земли. Да скажетъ ваша воля: пусть сверхчеловѣкъ будетъ разумомъ земли!

Но вы, мои братья, все еще говорите мнѣ: что говоритъ ваше тѣло о вашей душѣ? Развѣ ваша душа не есть—нищета и грязь, и жалкое удовольствіе!

Дѣйствительно, человекъ—это грязный потокъ! Нужно быть моремъ, чтобы возможно было принять въ себя грязный потокъ, и не сдѣлаться нечистымъ!

Смотрите, я учу васъ познавать сверхчеловѣка: онъ есть это море, въ немъ можетъ погибнуть ваше великое презрѣніе.

Что есть самое высокое, что вы можете пережить? Это—часъ великаго презрѣнія. Часъ, когда ваше счастье превращается для васъ въ омерзѣніе, такъ же, какъ и вашъ разумъ, и ваша добродѣтель.

Часъ, когда вы скажете: „Что—въ моемъ счастьи!

Нищета, и грязь, и жалкое удовольствіе. Но мое счастье должно бы оправдать самое существованіе свое!“

Часть когда вы скажете: „Что—въ моемъ разумѣ! Стремится ли онъ къ знанію, какъ левъ къ своей пищѣ? Онъ есть нищета, и грязь, и жалкое удовольствіе!“

Часть, когда вы скажете: „Что—въ моей добродѣтели! Она еще не дѣлала меня неистовымъ. Какъ я усталъ отъ своего добра и отъ своего зла! Все есть нищета и грязь, и жалкое удовольствіе!“

Часть, когда вы скажете: „Что—въ моей справедливости! Я не вижу, чтобы я былъ пламенемъ и углемъ. Но праведный есть пламя и уголь!“

Часть когда вы скажете: Что—въ моемъ состраданіи! Не есть ли состраданіе—крестъ, къ которому пригвождается тотъ, кто любитъ людей? Но мое состраданіе—не распятіе“.

Говорили ли вы уже такъ? Взывали ли вы уже такъ? Ахъ, если бы услышать васъ, когда вы взывали такъ!

Не грѣхъ вашъ,—ваше довольство взыываетъ къ небу, сама ваша скупость въ вашемъ грѣхѣ взыываетъ къ небу.

Гдѣ однако та молнія, которая лизнетъ васъ своимъ языкомъ? Гдѣ то безуміе, которое должно было бы привить вамъ?

„Смотрите, я учу васъ познавать сверхчеловѣка: онъ есть эта молнія, онъ—это безуміе!

Пока Заратустра говорилъ такъ, кто-то изъ народа воскликнулъ:

— Мы достаточно уже наслушались о канатномъ плясунѣ; пусть намъ покажутъ его!

И весь народъ засмѣялся надъ Заратустрой. А канатный плясунъ, думавшій, что слова эти относятся къ нему, приступилъ къ своей работѣ.

IV.

Но Заратустра смотрѣлъ на народъ, и удивлялся. Потомъ онъ такъ заговорилъ:

Человѣкъ—это канатъ, связывающій животное съ сверхчеловѣкомъ—канатъ надъ бездною.

Опасно шествіе на ту сторону, опасна дорога, опасенъ взоръ, брошенный назадъ, опасны дрожь и остановка.

Въ человѣкѣ великое то, что онъ—мостъ, а не цѣль; что можно любить въ человѣкѣ, такъ это то, что онъ есть *переходъ и паденіе*.

Я люблю тѣхъ, кто не знаетъ, какъ надо жить, они—погибающіе, потому что переходятъ на ту сторону.

Я люблю великихъ презирающихъ, потому что они суть великіе почитатели и представляютъ изъ себя стрѣлы влеченія на противоположный берегъ.

Я люблю тѣхъ, которые не ищутъ за звѣздами причины, чтобы погибнуть и стать жертвою; но которые отдають себя въ жертву землѣ, чтобы земля когда-нибудь сдѣлалась землею сверхчеловѣка.

Я люблю того, кто живетъ, чтобы познать, и кто хочетъ познать для того, чтобы въ будущемъ жить

сверхчеловѣкъ. И такъ хочетъ онъ своего паденія.

Я люблю того, кто работаетъ и убѣждается, что онъ строить жилище сверхчеловѣку, и приготовляетъ для него землю, животныхъ и растений: и такъ хочетъ онъ своего паденія.

Я люблю того, кто любитъ свою добродѣтель: ибо добродѣтель есть стремленіе къ паденію и стрѣла душевной тоски.

Я люблю того, кто ни капли духа не оставляетъ при себѣ, но стремится быть всецѣло духомъ своей добродѣтели: такъ, какъ духъ, переходитъ онъ черезъ мостъ.

Я люблю того, кто изъ своей добродѣтели дѣлаетъ свои наклонности и свою судьбу: такъ, ради своей добродѣтели, онъ хочетъ жить еще, и не жить болѣе.

Я люблю того, кто не стремится обладать многими добродѣтелями. Одна добродѣтель есть болѣе добродѣтель, чѣмъ двѣ, потому что она болѣе есть тотъ узелъ, къ которому прицѣпляется судьба.

Я люблю того, чья душа растрачивается, кто не желаетъ благодарности и не оказываетъ ея; потому что онъ всегда дарить и не желаетъ остерегаться.

Я люблю того, кто стыдится, когда игральная кость выпадаетъ на его счастье, и кто спрашиваетъ затѣмъ: „ужъ не фальшивый ли я игрокъ?“—потому что онъ стремится къ гибели.

Я люблю того, кто впереди своихъ дѣлъ выбрасываетъ золотыя слова и всегда дѣлаетъ гораздо больше того, чѣмъ общается: ибо онъ стремится къ своему паденію.

Я люблю того, кто оправдываетъ грядущее поколѣніе и минувшее избавляетъ: потому что онъ стремится къ гибели при современномъ.

Я люблю того, чья душа глубока, будучи даже ра-

нена, и кто можетъ погибнуть при малѣйшемъ испытаніи: такъ охотно идетъ онъ черезъ мостъ.

Я люблю того, чья душа переполнена, такъ что онъ забываетъ самого себя, и *все* содержится въ немъ: это *все* будетъ его гибелью.

Я люблю того, кто свободенъ духомъ и свободенъ сердцемъ: ибо его голова есть лишь внутренность его сердца, но сердце влечетъ его къ гибели.

Я люблю всѣхъ тѣхъ, кто походитъ на тяжелыя капли, падающія по одиночкѣ изъ темныхъ тучъ, повиснувшихъ надъ людьми: онѣ возвѣщаютъ, что приближается молнія—и, какъ пророки, гибнутъ.

Смотрите, я—предвѣстникъ молніи и тяжелая капля изъ тучи: но эта молнія называется—*сверхчеловѣкъ*.

V.

Сказавъ эти слова, Заратустра снова посмотрѣлъ на народъ, и замолкъ. „Они стоятъ“,—обратился онъ къ своему сердцу;—„они смѣются; они не понимаютъ меня, я—не уста для этихъ ушей.“

Нужно ли сначала разорвать имъ уши, чтобы они научились слушать глазами? Нужно ли гремѣть, подобно литаврамъ и проповѣдникамъ покаянія? Или они вѣрятъ лишь заикамъ?

У нихъ есть нѣчто, чѣмъ они гордятся. Какъ однако они называютъ то, что дѣлаетъ ихъ гордыми? Они зовутъ это образованіемъ, оно отличаетъ ихъ отъ пастуховъ.

Поэтому они неохотно слушаютъ о себѣ слово „презрѣніе“. Въ такомъ случаѣ я обращусь къ ихъ гордости.

Я буду говорить имъ о презрѣннѣйшемъ: это—*последній человѣкъ*“.

И такъ заговорилъ Заратустра къ народу:

— Это въ то время, когда человѣкъ достигаетъ своей цѣли. Это въ то время, когда человѣкъ сажаетъ ростокъ своей высочайшей надежды.

Почва его для этого еще недостаточно обильна. Но почва эта будетъ когда-нибудь тощая и бѣдная, и никакое высокое дерево не въ состояніи будетъ вырасти на ней.

Увы! Приближается время, когда человѣкъ не пуститъ стрѣлы своихъ стремленій выше человѣка, и тетива его лука перестанетъ содрогаться!

Говорю вамъ: нужно еще имѣть въ себѣ хаосъ, чтобы быть въ состояніи родить танцующую звѣзду. Говорю вамъ: въ васъ еще есть хаосъ!

Увы! Наступаетъ время, когда человѣкъ не станетъ уже родить ни одной звѣзды. Увы! наступаетъ время презрѣннѣйшаго человѣка, который не можетъ большаго презирать самого себя.

Смотрите! Я показываю вамъ *последняго человека*.

Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое тоска? Что такое звѣзда?—такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ, и моргаетъ.

Земля стала маленькой, и по ней скачетъ послѣдній человѣкъ, который все дѣлаетъ малымъ. Родъ его не истребимъ, какъ родъ земляной блохи; послѣдній человѣкъ живетъ дольше всѣхъ.

„Мы нашли счастье“, — говорятъ послѣдніе люди, и моргаютъ.

Они покинули страны, гдѣ было трудно жить: ибо нужна теплота. Еще любятъ сосѣда и трутся около него, ибо нуждаются въ теплѣ.

Быть больнымъ и недовѣрчивымъ считается у нихъ грѣхомъ: ходятъ осмотрительно. Дуракъ тотъ, кто еще спотыкается на камни или на людей!

Иногда немного яду; онъ вызываетъ пріятные сны.